

ТЕАТР МИМИКИ И ЖЕСТА

В Москве недавно возник первый в мире профессиональный театр глухих актеров. Начинание московских актеров заинтересовало очень многих любителей театра в разных странах мира. Ведь миллионы людей, страдающих глухотой, лишены возможности воспринимать искусство театра. Московский эксперимент оказался на редкость успешным. Мне не хочется начинать с того, что актеры в этом театре глухие. Это было бы просто несправедливо. Когда говоришь о художнике, даже если искусство потребовало от него подвига, а первую очередь надо говорить не о подвиге, а об искусстве.

Театр мимики и жеста существует около полутора лет. Когда его актеры были еще студийцами, а сам театр существовал только в проекте, будущие режиссеры театра познакомились с Марселем Марсо. Заинтересованный их планами, знаменитый французский мим признался, что мечтает создать пантомимическую труппу, которая играла бы не эстрадные миминиаторы, а единый драматический спектакль. Он говорил, что уже работает над мимическим вариантом гоголевской «Шинели», и рано или поздно у него будет такая труппа и такой спектакль.

Теперь бывшие студийцы стали актерами. На основе двух выпускных театральной студии глухих создана труппа театра мимики и жеста. Его режиссеры ищут пути для созда-

ния именно такого спектакля, о каком говорил Марсо. Уже сделан первый большой эксперимент — спектакль по мотивам ранних рассказов Горького «Жили люди».

Жили люди когда-то в давние времена. Природа была к ним добра, и они были красивы и сильны, умели работать и веселиться. Однажды орел похитил девушку из селения, а спустя много лет она вернулась и привезла с собой двух сыновей. Оба были хороши собой, но один был жестоким и гордым, другой добрым и великодушным. Один смеялся над чувствами людей, другой любил их. Первый вырвал сердце у девушки, которая не захотела пойти за ним. Другой вырвал свое сердце и отдал его людям, чтобы осветить им путь, ведущий к жизни. Один был обречен на вечное одиночество, о другом сложили легенды... Безусловно, обычный драматический спектакль был бы не лучшей формой осуществления такого сюжета.

— Поэтическая символика сюжета, — говорит главный режиссер театра Леонид Калиновский, — сама подсказывает обращение к более условной форме. Мимика и жест, точно выбранный ритм, хорошо найденная выразительная мюзика делают драматизм спектакля особенно напряженным. Верная мера условности и опять-таки ритм исключают жанровость, которая могла бы нарушить поэтическое звучание спектакля.

И действительно, актеры были

удивительно изящны, легки и красивы. На сцене властвовала поэзия легенды, редкостная выразительность мимики и жестов. Чувство ритма и музыки у актеров безукоризненно. У многих возникает вопрос, как же глухие актеры играют и даже танцуют под музыку, да еще так, что несведомленному человеку просто в голову не приходит заподозрить их в глухоте? И я задала этот вопрос Калиновскому.

— Они запоминают ритмический рисунок мелодии, — сказал он.

— Но как же они слушают?

— Слушают, положив руку на крышку рояля. И почти всегда с первого раза запоминают. И скорее оркестр собьется, чем они. Это тоже можно отнести к специфике нашего театра: необычайное внимание. И еще колоссальная трудоспособность.

Леонид Калиновский рассказывает о том, как родилась идея создания театра глухих. Несколько лет назад в театральное училище имени Щукина, где он преподавал, обратилось за помощью Всесоюзное общество глухих. Представители общества рассказали щукинцам, что глухих на земле очень много, что они лишены возможности смотреть спектакли из-за глухоты, что среди них немало актерски одаренных людей, и они хотели бы иметь свой театр. Сначала эта идея показалась странной, потом заманчивой и, конечно же, от предложения в училище не стали отка-

зываться. Так при Всесоюзном обществе глухих возник филиал щукинского училища.

— Работа, — говорит Калиновский, — оказалась даже интересней, чем мы ожидали. Ученики были восприимчивы, талантливы, прилежны. А мы вторгались в область, неведомую никому: до нас еще никто не вел курса глухих актеров. Немало пришлось поразмышлять о форме спектаклей.

— Как вы пришли к мимике и жесту?

— Очень просто и совсем естественно. Форма — это ведь производное от того материала, который есть у художника, и от его задач. Актеры в нашем театре не слышат. У них есть недостаток — они не могут свободно пользоваться речевыми интонациями. Но у них есть свои преимущества: они на редкость пластичны и у них великолепные мимические данные. Мы просто не могли не прийти к театру пантомимы.

— Кто ходит к вам в театр?

— Наш театр пользуется успехом, и посещают его отнюдь не только глухие зрители. И знаете, на спектакле «Жили люди» некоторые даже удивляются, когда узнают о том, что это театр глухих...

Я могу добавить к рассказанному только то, что я восхищалась людьми этого театра. Они создали настоящее искусство, но они еще и совершают подвиг.

Татьяна ТОПИЛINA,
(АПН).